

История вторая

ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ С КАПЕЛЬКОЙ ДОЖДЯ

МЫС

3. Отель

Диана укатила коляску в отель, словно угадав намерение Яны чуть-чуть побыть одной, а потом самостоятельно войти. Она чуть продрогла, пока стояла у машины, но вот, наконец, машина отъехала (водитель приветливо помахал им через стекло рукой), и Яна, поддерживаемая Дианой под руку, обходя расцвеченные рекламными огнями лужи, направилась к ярко освещенному входу, обещающему, наконец, тепло и долгожданый отдых. Да, Диана сегодня едва не переборщила с экстримом. Еще немного и ноги бы ей точно отказали, до того она устала. Хочется лечь, лежать и не шевелиться.

— Янка, посиди,— подвела ее Диана к креслам в большом холле.— Я пока все организую. Сейчас подберу классный номер.

— Лучше постою у колонны. Я потом не встану, кресла такие низкие.

— Хорошо. Я быстро,— и уже уходя, обернулась на нее, окинула взглядом с головы до ног, и одобрительно кивнула.— Ты молодец! Еще чуть-чуть и отдохнем.

Диана стоит у стойки с надписью «Reception», из притемненного бара доносится музыка, а рядом с ним, за стеклянными дверями от пола до потолка, зал с двумя столами для настольного тенниса. Парень с девушкой только что закончили игру, бросили ракетки на стол и, обнявшись, стоят у огромного, во всю стену окна и смотрят в темноту. Ни одного огонька за окном. Холл, в интерьере которого преобладает кожа и хром, переливающийся искрами от ярких огоньков, которыми усеян потолок зала, залит ярким светом, играющим на гранях белых колонн, зеркальных плитках пола, отчего кажется, что находишься ты в середине огромного кристалла.

Яна никогда не задумывалась ни об интерьерах, ни об архитектуре, но сейчас она

ощутила всю силу правильного дизайна. Ведь только что она валилась с ног, была совсем обессилена. Куда делась усталость в этом теплом сиянии, которое пронизывает ее и все мысли и чувства ее делает светлыми? Она наполнилась силой и радостью, и ей не хотелось больше ложиться. Хотелось увидеть что-нибудь еще. Ведь столько чудесного еще есть вокруг. Но, как странно, что чудесным этим становятся обычные вещи, которые окружают нас каждый день и на которые мы не обращаем внимания.

Дианка... Где же она?

Но Диана уже идет к ней, разглядывая какой-то буклет, а потом смотрит на Яну, улыбается и подмигивает.

— Думаю, они решили, что мы с тобой две лесбиянки,— сказала она тихо.— Та девица в красном — точно, потому как сама такая же. Но, плевать... Коляску я тут пристроила. Ее даже пристегнули в спецпомещении. Все здесь продумано. А номер-то какой у нас! Пошли скорее его посмотреть.

— Диана, а это дорого? А то ты все платишь и платишь.

— Рука дающего не оскудеет. За все мои добрые дела Бог простит мне мои прегрешения.

— Болтушка. Прегрешения у нее... Пошли посмотреть номер.

Лифт с зеркальными стенами мягко подхватил их, взметнул ввысь и, с мелодичным звоном, так же мягко остановился. Открылись двери в притемненный холл, и первое, что увидела Яна за стеклянной стеной, были темные очертания верхушек елей на фоне ночного неба, все еще хранящего едва заметный отсвет заката. Чем дальше, тем больше деревья опускались вниз, словно в глубокий провал. Какая высота! «Отель на горе, и я на вершине этого отеля»,— думала Яна. Ночь, звезды, огромные ели спускаются в пропасть... Диана. Она открывает белую дверь номера с золотыми цифрами — 333.

— Янка, смотри скорее, какое чудо! Это даже лучше, чем было у нас с Ником.

По коридору, устланному ковром, ворс которого гасил звук шагов, она вошла следом за Дианой в огромный номер, с окнами во всю стену. За стеклами угадываются столик и кресла на балконе, а большая ванная, изощренной формой напоминающая морскую раковину, и душ находятся тут же в спальне за полупрозрачной раздвижной перегородкой.

— Какая красота! — воскликнула Яна.— Здесь просто можно жить!

— Именно это мы и будем делать,— сказала Диана и, блаженно раскинув руки, упала спиной на широкую кровать.

— Ничего себе, сексодром! На этой кровати можно потеряться. Тут можно кувыркаться, прыгать, как на батуте, и делать забеги на сто метров. Янка, давай ко мне. Вот только варенье следовало бы утром поварить, но ничего, я соседку попрошу это сделать. Она знает, где ключ. Я тоже, другой раз, ее выручаю.

— Наши парни будут не особенно довольны,— сказала Яна, присаживаясь рядом с Дианой на постель.

— Думаю, Женька меня уже успел изучить. Да и Ник Женьке про меня, наверняка, уже все рассказал. Он знает, что все это мне надо. Я же так материал для книг собираю — устраиваю такие вот, хепенинги. Помнишь, я и дворником работала, и почтальоном, и маляром в строительной бригаде. Опыт бесценный!

Яна легла на постель рядом с Дианкой, так что голова ее оказалась на откинутой в сторону Дианкиной руке.

— Ну, как ты чувствуешь себя? — спросила Диана.

— Как разряженный планшет.

— Сколько процентов?

— Семь.

— Ничего, у нас номер с джакузи. Это тебя подзарядит.

— А что это за соседка?

— Соседка? — повторила Диана задумчиво.— А, рядом с нами дом. Я тоже, другой раз, ее выручала... А ты заметила, какой у нас балкон! Я уже посмотрела. А столик там какой! Прямо садись и пиши какой-нибудь «Тропик Рака». Эх, когда-нибудь я напишу такую книгу. Всю правду о жизни скажу. И пусть на меня не обижаются. Выложу читателю жизнь, как она есть. Шлепну ее перед ним, как кусок мяса на прилавок, так что брызги во все стороны полетят.

— Ты это можешь!

— Да. Но пока я к такой книге не готова. Мне еще надо подрасти.

— Уверена, что о тебе еще узнают. И придет время, когда книги твои будут издавать.

— Не скоро это время придет, Янка. Мы сейчас в таком средневековье. Сначала, чувствую, будут большие потрясения. Да и после них, если человечество выживет, тоже долго будет не до чтения.

— Ты какие-то ужасы рисуешь.

— Не только я. Ты, вот, хотела бы, чтобы люди жили в мире?

— Конечно.

— Вот! А Достоевский сказал, что для того, чтобы люди жили в мире, для этого они сначала должны хорошенько друг дружку выпороть.

— Да...

— Это не я. Это Достоевский. А он был пророком. Но... Ладно... Выбрось из головы. Я у тебя дурочка и болтаю всякую ерунду. Не надо меня слишком серьезно воспринимать. Часто то, что я говорю, это у меня так — упражнение для рта. Мы счастливы. И давай это осознавать.

Одна из стеклянных дверей на балкон открыта. Слышен легкий шум елей, доносится аромат хвои.

— Даже если такое и ждет нас впереди, не хочется об этом думать.

— Все будет хорошо.

— Ты просто пиши хорошие книги, а что будет дальше, решит судьба. Есть высшие силы, и они нам помогают.

— Знаешь, когда Генри Миллер закончил свой роман «Тропик Рака», он пришел к Джун, своей... возлюбленной, бухнул на стол толстую кипу исписанных листов и сказал: «Я закончил свою книгу! Но ее никогда не издадут». Вот слова настоящего писателя! Главное — реализовать то, для чего ты появился в этом мире.

— Я тоже иногда думаю, зачем я появилась в мире. Но бесполезно об этом думать. Появилась и слава Богу. Наконец, мы вместе и это главное.

Яна повернулась к Диане и обняла ее.

— Знаешь, Дианка, часто, когда ты что-то рассказываешь...

— Да, и что тогда?

— Чувствуется, что тебя воспитывал отец, а не мама.

Дианка повернулась к Яне, посмотрела ей в глаза и, протянув руку к ее лицу, погладила по щеке.

— Ты ничего не сказала,— улыбнулась Яна.— Спасибо!

— Тебе было несравнимо тяжелее,— сказала Диана, откинув волосы со лба Яны и поглаживая их.

— Я росла, в основном, с мальчишками. Почему-то в интернате их было гораздо больше. Из-за того, что я с ними росла, говорила с ними на те темы, которые им интересны, а главное, выслушивала их страхи, проблемы, обиды, мне казалось, что я не только девочка, но и немного мальчик. Однажды, был у нас такой — Лешка, так вот, в порыве какого-то чувства, он положил мне руку на плечо и сказал: «Хороший ты, Янка, парень!» Он это сказал, а я в тот момент ничего странного в его словах не увидела. Мне даже приятно стало, что я «хороший парень».

— И все равно, мы с тобой самые классные. Спроси хоть Ника, хоть Женю. И, главное, понимаем мужчин.

— Ну, кто первый в душ? — спросила Яна, пытаясь подняться, но Диана, быстро встав, помогла ей.

— Давай я быстренько. А ты пока посмотри балкон. Только не упади там.

Диана разделась, укладывая одежду на спинку кресла. Совершенно голая она пошла к ванной, включила в душевой голубоватую подсветку, которая шла прямо из пола, и встала под струи воды. Они тоже были голубыми. Яна видит Диану за полупрозрачным стеклом. Почему-то сейчас, когда размыты черты ее тела стекающей по стеклу водой, кажется, что Диане лет пятнадцать. Небольшая, стройная, изящная.. Вода стекает по ее телу и рассыпается у ног блестками сверкающих хрусталиков.

— Попа у меня совсем не загорела,— послышался голос Дианы и несколько звонких шлепков.— Где бы найти необитаемый островок, чтобы позагорать голышом?

— А здесь что, таких мест нет?

— Я не нудистка. Я очень скромная девушка,— слышится голос Дианы сквозь шум воды.

— С незнакомыми мужчинами не разговариваешь?

— Да. С незнакомыми мужчинами в постели не разговариваю.

— Ох, Дианка, дождешься, что Ник тебя по твоей белой попе отшлепает.

— Ха!.. Он только это и делает.

Дианка показалась из душа, закутанная в махровое полотенце. Темные волосы растрепаны, глаза весело поблескивают. Капельки воды блестят на ресницах.

— Давай, Янка. Твоя очередь. Я ванну наполнила и все наладила. Сейчас у тебя будет подводный массаж.

— Я еще не посмотрела балкон,— говорит Яна и делает несколько шагов к раскрытой двери.

Она шагает в звездную тьму, раскинувшуюся перед ней. Кажется, протяни руку и коснешься звезд. Яна делает еще один шаг в темноту, и вдруг чувствует сильный удар по лицу, груди, коленям... Она вскрикивает и, не понимая, что происходит, со странным равнодушием осознавая, что сразу же сдастся тому неминуемому, что с ней происходит, почувствовала, что падает, но руки Дианы ее уже подхватили и крепко держат, прижимая к чуть влажному, горячему телу.

— Янка, ты что, не видишь, что здесь стекло! — хохочет Диана у самого ее уха.

— Стекло?..

— Да. Сейчас ведь такие делают, что их и не видно. Но обычно на них яркие полки наклеивают.

Яна пришла в себя и тут уже обе они расхохотались.

— Боже, как это нелепо! — хохочет Янка.— Такого со мной еще не было. Ты посмотри, его же совсем не видно. Оно даже не блестит.

— Я и сама однажды о такое стекло грохнулась. Им, конечно, следовало бы что-то наклеивать. Ведь и вправду, его не видно.

— Только не рассказывай Жене. А то я как дурочка буду выглядеть.

— Ну вот, а еще считаешь, что понимаешь мужчин. А они ведь как раз любят, чтобы женщина была немножечко.. женщиной. И несла бы порой, как выразился Пушкин,— «прелестный вздор».

Яна проводит рукой по стеклу, находит ручку и отодвигает вбок стеклянную дверь. Ночь пахнула в лицо густым ароматом леса. Совсем темно, ничего не видно за перилами балкона. Но также, как она чувствовала море, не видя его, так она теперь чувствует и высоту.

На балконе стоят кованный столик и три кресла из такого же темного, кованого

металла. Подушки на сидениях кресел из плетенки, которая не боится влаги и быстро сохнет. Толстая полированная столешница украшена инкрустацией из янтара.

— Ну, что, классно там посидеть, закутавшись в пледик? — спрашивает Диана из комнаты, разбирая постель.

Яна ничего не отвечает, она смотрит во тьму и вдыхает ночной воздух. Далеко у горизонта небо едва заметно озарено легким сиянием. Наверное, там городок. «Я понятия не имею ни об одном из тех людей, что там живут. Случись сейчас что-нибудь с кем-то из них, исчезни он с лица земли, я ничего не почувствую и знать об этом не буду. Точно также и до меня этим людям нет никакого дела. Есть я, нет меня, ничто от этого не изменится в мире».

— Что ты говоришь? — спрашивает Диана.

Яна оглядывается и видит Диану за окном, за полупрозрачной розовой шторой.

— Я ничего не сказала, — говорит она. — Просто думаю.

— А... Если что-нибудь интересное придумаешь, скажи. Мне сейчас нужны свежие идеи. Пора начинать новую книгу. А ты у меня мастер по идеям.

— Знаешь, о чем я подумала, — придерживаясь руками за оба стекла, Яна с трудом вошла в комнату. — Я хочу понять одну вещь. Ты должна мне раскрыть секрет.

— Какой? У меня от тебя секретов нет.

— Понимаешь, мы с Женей довольно много путешествуем, — начала Яна, снимая майку и расстегивая джинсы. — Мы ездили в автобусах, на пароме, отдыхали на море, жили в отелях... Во Франкфурт однажды на машине ехали точно по такой же ночной дороге, как сегодня.

— И что?

— А то, что хотя я и была по-настоящему счастлива в наших с ним путешествиях, я все же не чувствовала того, что почувствовала сегодня с тобой. Я не могу этого понять. Тут какая-то тайна.

— Я тебя не понимаю, — сказала Диана, откидывая одеяло и садясь на кровать. — Но я рада, что тебе было хорошо сегодня. Мы же столько лет мечтали быть вместе. И все сбылось. А когда мечта сбывается, человеку все кажется особенным.

— И никакой тайны нет?

Яна сидит на кровати и смотрит в темные глаза Дианы. Они так похожи на ночь за окном. Тихую, звездную ночь...

— Знаешь, — Диана чуть задумалась, глядя на Яну с легкой улыбкой, — все, что сегодня было, очень похоже на то, что происходило в одном романе.

— Каком?

Яна села на кровать и сняла джинсы.

— Нет, пока не скажу.

— Кто автор?

— Потом скажу, — улыбнулась Диана.

— Ну хотя бы, из какой он страны?

— Американец.

— Американец? — удивилась Яна.

— Да.

— И что, книга известная?

— Очень известная. Не думаю, что есть люди, которые не слышали о ней. Я не имею в виду, конечно, туземные племена.

— Заинтриговала!

— Да, появилась интрига, — усмехнулась Диана. — Мне это нравится. Я за интригу и в жизни, и в литературе.

— У меня уже есть версия. Это, случайно, не роман Керуака «На дороге»?

— Нет. Хотя мы с тобой и «на дороге», но у нас совсем другая история. Подумай, может и догадаешься, — улыбнулась Диана.

Яна встала и, ступая по мягкому паласу, осторожно пошла к ванне. Диана быстро поднялась с постели.

— Давай помогу тебе. Подожди...

— Ладно,— сказала Яна.— Есть у меня еще версия. Потом проверим. Ты же мне, в конце концов, скажешь.

— Конечно. У меня от тебя нет тайн.

В полутемной комнате ванна светится перламутровым сиянием. Вблизи она еще больше похожа на гигантскую раковину с волнистыми, золотыми краями. Голубоватая вода играет пузырьками, поверхность чуть колеблется, волнуемая подводными струями. А по потолку и стенам скользят отсветы, отчего Яне кажется, что вокруг нее падает снег.

— Придумаешь же ты, Дианка!.. Джакузи!.. Я спокойно бы помылась в душе.

Диана помогает Яне поднять ногу и лечь в ванну, зачерпывает воду ладонью и окатывает ею плечи Яны: — Закрой глаза и представь, что лежишь ты в теплых струях океанского прибоя. У самых твоих ног дно уходит вниз, в темную бездну океанских глубин, в которую цветным водопадом низвергаются мириады разноцветных рыб. Там, среди вечного безмолвия и покоя, на фоне темных Левиафанов, колышутся водоросли, скрывающие за собой поросшие подводными цветами мачты и остовы затонувших кораблей, чьи борта засыпаны не только песком, но и золотыми дукатами, дублонами и солидами. Все богатства мира, которыми наполнены амфоры и сундуки, золотые чаши и ларцы, все то, что на земле было олицетворением власти и славы, здесь просто красивое сияние, ничем не отличающееся от сияния быстрых рыб, плавных медуз и роскошных кораллов...

Яна лежит в воде, слегка прикрыв глаза, и слушает тихий голос Дианы.

— Это из какой же книги? — спрашивает она.

— Это из великой «Библиотеки ненаписанных книг».

И еще раз плеснув водой на плечи Яны, встает и идет к балконной двери, прикрывает ее и, скинув махровое полотенце, ложится в постель.

Из сумочки, лежащей на паласе у кровати, она достает книгу в мягкой обложке и включает ночник.

— Тебе хорошо? — спрашивает Диана.

— Как в Раю... Как на берегу океана...— и чуть помолчав,— «Библиотека ненаписанных книг». Что-то в этом есть?

— Немного в духе Борхеса,— заметила Диана.— Хотя... Может выглядеть так — главный герой оказывается в лабиринте, стены которого сплошь уставлены книгами в почерневших кожаных переплетах, украшенных золотом, сияние которого наполняет лабиринт гипнотическим светом.

— Да,— говорит Яна,— и это не просто книги, которые не открывали столетия и даже тысячелетия. Это книги... которые не открывались никогда.

— Больше!.. Эти книги никогда не будут открыты. И знаешь, что это за книги? Это величайшие шедевры мировой литературы, которые не были написаны либо потому, что творцы их погибли в детстве, либо вообще не были рождены, потому что погибли их родители. Не появившиеся в мире творения всех гениев, всех времен и народов заполняют стены, потолок и пол этого нескончаемого лабиринта. Те шедевры, которые нам известны,— жалкие, ничтожные крохи того, что могло бы быть, не будь люди... людьми... Как это горько ни звучит. Да, корешки книг устилают даже потолок и не падают, потому что не существует земного притяжения для того, чего нет в мире. На то, чего нет, не действуют никакие законы бытия. Любая книга в «Библиотеке ненаписанных книг» равна, а порой и превосходит творения Сервантеса, Шекспира, Гоголя, Достоевского, книги которого тоже могли бы здесь быть, если бы был расстрелян, а не отправлен на каторгу. «Братья Карамазовы», «Бесы», «Преступление и наказание» стояли бы сейчас на этих полках. Чудо, что их здесь не оказалось!

— Но зато,— продолжила Яна, чувствуя, как ласково массируют струи воды ее тело,— на этих полках стоит восьмидесятитомное собрание сочинений старца Михаила Лермонтова, которое он так и не написал.

— Ты, кстати, знаешь, Янка, он приступал к написанию многотомной эпопеи, события которой охватывали бы столетия Российской жизни. Если бы не его смерть, то в мире бы явился роман-эпопея задолго до «Войны и мира» Толстого. И кто знает, может, его роман был бы и помощнее Толстовского.

— А может, лучше звучало бы — «Лабиринт ненаписанных книг».

— Это лучше,— согласилась Диана и, закрыв свою книгу, положила ее на кровать.— Обо всем этом стоит подумать. Ведь в этом лабиринте я могу брать книгу за книгой, открывать наугад и... читать.

— Да, Диана, тут-то и начнется самое сложное. Текст, который ты увидишь, а вместе с тобой и читатель, должен быть гениальным.

— Да... Как думаешь, Янка, можно за год написать полстраницы гениального текста?

— Вряд ли.

— Ну, а фразу? Одно маленькое, гениальное предложение?

— Думаю, что нет. И тут не во времени дело. Вон, мы уже в двадцать первом веке живем. Где Шекспиров, Бальзаки или Толстые? Да и в двадцатом веке подобных им не было.

— Вот,— вздохнула Диана,— вот они — мировые войны, революции и прочее. Постарались политики — творцы «Лабиринта ненаписанных книг». В общем, буду думать над этой идеей. Что-то в этом есть.

— Да... И про Борхеса не думай. Пиши по-своему...

— Эх, прямо хоть бери и начинай писать!.. Самое муторное, это технический момент, вот это — клацанье клавишами. Сделали бы такую программу, что ты говоришь, а компьютер сам набирает текст в Ворде. Как тебе идея! Я бы продала ее японцам.

— Дианка, ты как была маленькой, такой и осталась.

— Э, Янка, если бы я все свои идеи продала японцам, то мы катались бы сейчас, как сыр в масле, жили бы в самом высоком пентхаусе и любовались бы сверху ночным Токио.

— Дианка, мне здесь нравится гораздо больше.

— Мне тоже. Это я шучу. Ты же меня знаешь...

— Конечно, я тебя знаю. А пока помоги мне, а то я так расслабилась, что боюсь вернуться. Я сегодня так устала!.. Столько всяких впечатлений было!

Диана помогла Яне выбраться из ванной, вытереться, и теперь она сидит на постели и расчесывает волосы Дианкиным гребнем. Яна посмотрела через него на свет ночника, он полупрозрачный, словно отлитый из янтаря или застывшего меда.

— Меня завораживают красивые вещи,— говорит она.— Прямо гипнотизируют.

— Я такая же. Когда была маленькая, папа дал мне свои старые механические часы. Я сняла корпус и обомлела. Механизм был сияющий, золотистый. Я как загнипнотизированная ворона смотрела на него и погружалась в гипнотический транс.

— А нас однажды повезли на экскурсию за город,— Яна взбила подушку и легла под одеяло рядом с Дианой, та придвинулась к ней и прижалась щекой к ее плечу,— и вот, слушай, Дианка, сказочку, слушай... И вот на берегу реки я нашла кусок стекла, но не от бутылки, а это была такая, застывшая, граненая масса, по форме похожая на грушу.

— Может, природное что-то, древнее, вулканическое?

— Не знаю. Этот кусок стекла мне очень понравился и стал моим талисманом на долгие годы. Стекло было голубое, как небо... Как вода в этом джакузи...

— И талисман помогал тебе?

— Думаю, да. Я верила в это. Сейчас, если подумать, странно! Почему я решила, что он может мне помогать?

— Наверное, Янка, нам всем хочется, чтобы было что-то такое, что могло бы нас беречь.

— Да, тонущий хватается за соломинку. А я схватилась за кусок стекла. И он мне помогал.

— Куда он делся?

— Не знаю. Может, украл кто.

— Ну, как ты? Замучила я тебя сегодня.

— Мне хорошо было сегодня...

— Расскажи еще что-нибудь.

— О чем?

— Про маленькую Янку.

— Про маленькую Янку — это совсем неинтересно.

— Мне интересно все. Мы столько лет жили врозь и не знали друг о друге. Когда ты расскажешь мне о себе все-все, мне будет казаться, что я знала тебя всю жизнь. Первое попавшееся расскажи. Любопы пустяк, какой вспомнишь. Мне это интересно.

— Надо подумать.

— Давай я выключу свет. Так тебе будет удобнее вспомнить какой-нибудь наименее важный пустяк.

Как только Диана выключила свет, в окнах стали видны неподвижные ветви елей и редкие искорки звезд. Далекий самолет, тоже, как еще одна звезда, мигает во тьме, плывет в небе.

— Диана, шепчет Яна, — как красиво! Я никогда не засыпала среди елей. Теперь я поняла, почему такие стекла делают. Чтобы казалось, что нет ни стекол, ни стен, и ты паришь в высоте, среди деревьев, а над тобой кружится звездное небо... Ты меня привезла именно в такое место, в котором я всегда мечтала оказаться.

— Ну, давай, рассказывай, только подожди, я плечико твое взобью, чтобы помятче было, — и Диана, привстав, сделала вид, что взбивает плечо Яны, словно подушку перед сном, после чего снова кладет на него голову, блаженно причмокивая губами. — Давай... Рассказывай.

— Хорошо.

— Может, мне диктофон включить?

— Лежи, непоседа, и просто слушай... Так вот... Самое интересное в моей жизни начиналось, когда меня отправляли в санаторий в Калининградскую область. Не помню, как городок назывался, но было это у моря, жили мы в двухэтажных коттеджах в немецком стиле, а море было прямо за деревьями. Когда я подходила совсем близко к забору, то видела море за стволами деревьев. Было мне тогда лет шесть. И, кроме нескольких девочек из нашего интерната, были дети из других интернатов, которых я совсем не знала. Знакомство с каждым из таких детей было, порой, целым приключением.

Однажды утром, после завтрака, я пошла по дорожкам между коттеджами и вышла к поляне на краю нашей территории. Здесь начинался кустарник и был он до того густой и высокий, что казался мне настоящими джунглями. Никто меня не беспокоил. Посередине поляны рос дуб, и я наблюдала за белкой, которая, шурша коготками по коре, спускалась вниз по стволу, находила что-нибудь в траве и быстро взлетала по стволу ввысь. Я терпеливо ждала, когда белка снова спустится на поляну.

И тут появился мальчишка. Я его не знала и почему-то сразу обратила внимание на его сандалии — синие, довольно таки потрепанные. Подошел он ко мне, загорелый, на носу конопушки, стриженный коротко, только на макушке светлый вихор. Ух, драть за него хорошо, подумала я.

Шмыгнул он носом и говорит:

— Девочка, тебя как звать?

— Яна,— отвечаю я.

— А ты долго тут будешь сидеть?

Я удивилась.

— Долго,— говорю.

— Слушай,— говорит,— тут сейчас мой брат подойдет. Мы на этой поляне договорились встретиться. Скажи ему, чтобы подождал меня. Я быстро по делу смотаюсь и приду. Скажешь?

— Конечно, скажу,— ответила я.

— О, классно! — сказал он.— Я быстро... Пусть ждет меня...

И скрылся за кустарником. Я сижу себе дальше, за белкой наблюдаю, как она же-луди куда-то к себе на верхотуру таскает.

Прошло несколько минут и появляется мальчишка. Тот же самый, который только что был, только в другой майке.

— Эй, девочка,— говорит.— Как тебя звать?

— Янка.

— Ты брата моего не видела? Он на меня очень похож. Мы с ним близнецы.

Я так незаметно глазками вниз — шмыг, глянула на его сандалии и вижу, что сандалии те же самые. Каждая царапинка на них та же самая. Посмотрела на его лицо, и конопушки на носу те же самые. Сразу же поняла, что это тот же самый мальчишка, только дурачит меня зачем-то.

— Да, говорю,— твой брат тут был, просил, чтобы ты подождал его. Он сейчас придет.

Говорю это, а сама стараюсь не улыбаться. Мальчишка потоптался немного, носом пошмыгал, точно так же, как тот — «первый», и говорит:

— Некогда мне ждать. Если он придет, скажи, что я на футбольное поле пошел.

— Хорошо, скажу.

И убежал за кусты. Ну, я сразу поняла, что сейчас он снова придет. И точно, появился. Майку сменил на прежнюю. Вот, думаю, артист растет.

— Ну что, Янка, приходил мой брат?

— Приходил.

— А где он?

Так и хотелось мне пальцем на него самого показать и сказать: «Вот он», но не сделала это.

— Ушел,— говорю.— На футбольное поле.

— Что же ты не задержала его! — досадливо всплеснул он руками.— Эх!.. Ладно, поищу его там.

Направился снова к кустам, но вдруг оборачивается и говорит:

— Слушай, а ты попугая тут не видела? Ребята говорят, что тут попугая видели. Улетел, наверное, от кого-то. Или из зоомагазина. Здоровый такой!..

Вот, думаю, врун несчастный!

— Нет, попугая я не видела,— говорю, а сама уже злиться начинаю.

— Если увидишь попугая, дай нам знать. Мы с братом на футбольном поле будем.

— Конечно, конечно,— киваю я головой.— Сразу же скажу.

Ушел этот врунишка. Я думала он снова появится, но, видно, надоело ему играть в эту игру. Посидела я еще, поскучала... Белка тоже куда-то ускакала. Скучно стало.

И тут появляется на дорожке девочка из моего корпуса. Она была не из нашего интерната, но так как кровати наши были рядом и обедали мы часто за одним столом, то мы с ней уже познакомились. Была она очень маленькая, звали ее Соня. Стоит на дорожке, ножки тоненькие, ручки тоненькие, волосики на голове тоже тонюха-

теньки. Такая шапочка волос до ушек. Ветер их колыхает во все стороны. Я их раз потрогала рукой, так даже не почувствовала. Очень она худенькая. Просто соломинка какая-то. А глазищи огромные. Подходит ко мне, и явно что-то сказать хочет.

— Давай, Янка, что-нибудь делать,— говорит она мне.

— Давай. А что ты хочешь делать?

— Давай грибы искать.

— Соня, грибов еще нет. Они будут осенью.

— А что же нам тогда искать? — спрашивает.

— А зачем нам что-то искать,— говорю я,— Давай лучше посмотрим, как белка желуди собирает. Это она к зиме готовится.

— А где белка? — оглядывается вокруг Соня.

— Сидит в своем домике. Скоро придет.

— А где у нее домик?

— Вот, на этом дубе,— показываю я рукой.— Там есть большое дупло, а в дупле этом чего только нет! Тут и желуди, и ягоды всякие, и корешки. А осенью белка еще и грибов натаскает.

— А мама у нее есть? — интересуется Соня.

— Так белка — сама мама. У нее детки есть.

— Это она деткам своим все носит? — заинтересовалась Соня.

— Конечно,— говорю,— она любит своих деток.

— А кого из них она любит больше всех?

— Всех любит. Одну детку любит за то, что она самая быстрая. Другую за то, что самая послушная. А третью... — задумалась я.

— За то, что любит она всех своих братиков и сестричек,— говорит Соня.— У белки очень много деток.

Она стоит рядом со мной, моргает и иногда так расширяет свои глаза, как будто увидела что-то страшное. Я однажды спросила у знакомых девочек, почему она так делает, и они (им нянечка сказала) открыли мне, что это у нее от нервов.

— Почему ты глазами так делаешь? — спрашиваю я Соню.

— Не знаю. Хочется почему-то так делать,— и тут предлагает.— А давай играть в «Мама идет».

— Ой, нет! Я сейчас не хочу играть в это,— говорю я.

Мне и правда не хочется играть в Сонину игру потому, что знаю, Соня в конце игры расстроится и будет плакать. Удивлялась я тогда, откуда у нее столько слез берется!.. Иногда ночью просыпаемся и видим — Соня стоит на постели и плачет. Значит, что-то ей приснилось. Я тогда звала Соню к себе в кровать и со мной она успокаивалась. Она была до того маленькая и худенькая, что даже не чувствовалось, что в кровати появился кто-то еще. Иногда ночью я проверяла рукой, тут ли она. Не упала ли на пол. Так иногда бывало.

И вот, стоит она передо мной, в глазенках уже влага копится. Сейчас хлынет ручьями.

— Ладно, давай играть,— говорю я, потому что знаю, очень уж ей хочется.

Соня любила эту игру и, думаю, она в нее не играла, а действительно, какие-то мгновения, верила, что все это происходит по-настоящему. Эти несколько мгновений делали ее счастливой.

— Играем,— говорю я ей.

Соня садится на траву, потому что так, обычно, она начинала играть, расправляет платице на коленках, и поправляет на головке волосики, чтобы быть красивее. Она срывает несколько цветков и начинает их сплетать. Теперь она ждет, когда я заговорю.

— О!.. — изумленно восклицаю вдруг я,— Соня, твоя мама приехала!

— Где? — радостно оборачивается Соня и быстро встает на ножки.

Я вижу, как по ноге ее ползет муравей, из тех — красных, что кусючие, но не успеваю ей сказать.

— Где, где она!? Где!? — радостно подпрыгивает Соня.

— Только что была на той дорожке. За наш корпус зашла.

— А ты точно ее видела?

— Ну, конечно. Она сейчас придет. Наверное, она воспитательницу встретила.

— Или доктора.

— Да... Или доктора. Сейчас они поговорят и она придет.

— А про что они говорят? — интересуется Соня.

— Разве ты не знаешь, мамы всегда спрашивают у докторов — как их ребенок?

Не болеет ли он?.. Хорошо ли себя чувствует?..

— Я хорошо себя чувствую,— говорит Соня и тут же расширяет свои глаза.

Мне показалось, что надо уже заканчивать.

— Да,— соглашается Соня.— Моя мама говорит про меня с доктором.

— И она что-то вкусное тебе принесла,— продолжаю я, забыв, что хотела заканчивать игру.

— Что? — шепчет Соня, облизнув губы.

— Большую банку клубники с сахаром.

— Я клубнику съем,— говорит Соня,— потому что мне ее мама принесла, а сок могу дать тебе.

— Спасибо! Я очень люблю клубничный сок.

— И где она? — нетерпеливо спрашивает Соня.

— Сейчас... Сейчас она выйдет из-за корпуса... Вон, на ту дорожку...

Мы с Соней смотрим на куст сирени в конце дорожки, потому что если кто и появится, то именно из-за этого куста. Мы замерли, смотрим во все глаза, и я гадаю, кто же появится? И то, что мы увидели, поразило нас с Соней. Из-за куста сирени, важно вышагивая по дорожке, вышел большой попугай! Я смотрела на него и не верила своим глазам. Я поморгала и даже расширила глаза, как это делает Соня, но попугай не пропал, а в раскачку продолжал идти по дорожке. Потом вдруг захлопал крыльями и, пролетев низко над травой, скрылся в кустарнике.

Соня посмотрела на меня. В ее глазах был восторг. Она забыла уже о нашей игре, забыла о своей маме и банке с клубникой.

— Яна,— здесь водятся попугаи! — пробормотала она восторженно.— Это был попугай?

— Конечно,— сказала я как можно небрежнее.— Это обычный, здешний попугай. Здесь их полно. Особенно в тех джунглях у забора.

— А это джунгли? — опасливо посмотрела на кусты Соня.— Я про джунгли смотрела мультик. Давай уже пойдем отсюда...

Мы пошли, время от времени оглядываясь на опасные джунгли.

Удивительно получилось с попугаем. Оказалось, что мальчишка не врал. И тут я подумала, а может, их действительно двое? И конопушки на носах у них одинаковые... И разбитые сандалии... И носами они шмыгают одинаково...

Яна перестала рассказывать, посмотрела на пригревшуюся рядом с ней Диану и увидела, что та спит. «Интересно, на каком месте она заснула»,— подумала Яна. Осторожно, чтобы не разбудить Диану, она повернула голову к окну, лежала, смотрела в темноту и не заметила, как закрыла глаза, продолжая видеть и темные ели, звезды и мигающий огоньками далекий самолет...

(Продолжение следует)

